

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
GENERAL

CAT/C/SR.412
5 May 2000

RUSSIAN
Original: FRENCH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Двадцать четвертая сессия

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ПЕРВОЙ (ОТКРЫТОЙ)* ЧАСТИ 412-го ЗАСЕДАНИЯ,

состоявшегося во Дворце Наций в Женеве во вторник,
2 мая 2000 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н БЁРНС

СОДЕРЖАНИЕ

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-
УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ (продолжение)

Третий периодический доклад Польши

---

* Краткий отчет о второй (закрытой) части заседания содержится в документе CAT/C/SR.412/Add.1.

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки следует направлять в течение одной недели с момента выпуска настоящего документа в Секцию редактирования официальных отчетов, комната Е. 4108, Дворец Наций, Женева.

Любые поправки к отчетам об открытых заседаниях Комитета на данной сессии будут сведены в единое исправление, которое будет издано вскоре после окончания сессии.

Заседание открывается в 10 час. 05 мин.

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ (пункт 7 повестки дня)

Третий периодический доклад Польши (CAT/C/44/Add.5; HRI/CORE/1/Add.25/Rev.1)

1. По приглашению Председателя члены делегации Польши г-н Кноте, г-жа Янишевска, г-н Пржемиский, г-н Следзик, г-жа Журек и г-жа Визникевич (Польша) занимают место за столом Комитета.
2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает польской делегации представить третий периодический доклад Польши (CAT/C/44/Add.5).
3. Г-н КНОТЕ (Польша) говорит, что период, охватываемый третьим периодическим докладом, был отмечен важными реформами как социального, так и правового порядка. Польский парламент принял 2 апреля 1996 года новую Конституцию, а 1 сентября 1998 года вступила в силу новая кодификация уголовного законодательства.

В силу нового Основного закона теперь эффективно гарантируются права и свободы граждан, а международные договоры, к которым присоединилась Польша, стали составной частью внутренней правовой системы. Так, в Польше прямо применимы Конвенция и все другие ратифицированные международные договоры по правам человека.

4. Среди индивидуальных прав, гарантируемых Конституцией, фигурирует право не подвергаться пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, включая телесные наказания. Всякое лицо, лишенное свободы иначе, как в силу судебного решения, может обратиться с жалобой в судебные органы. Новый Уголовный кодекс пресекает нарушения норм гуманитарного права и посягательства на человеческое достоинство. Отменена смертная казнь, и теперь самой суровой мерой наказания, которая только может быть вынесена, стало пожизненное тюремное заключение. Сейчас польские власти готовятся к ратификации Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни, и Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающегося отмены смертной казни. Новый Уголовный кодекс карает исполнителей всякого акта жестокости по отношению к лицам, лишенным свободы, а также государственных служащих, которые прибегают к насилию

или угрозе насилием либо совершают акты жестокого физического или психического принуждения с целью добиться признаний или каких-нибудь сведений. Принимая эти новые положения, Польша учитывала рекомендации, которые были даны Комитетом против пыток по итогам рассмотрения предыдущего периодического доклада (CAT/C/25/Add.9).

5. Г-н Кноте привлекает внимание к тому, что в новый Уголовно-процессуальный кодекс включено положение, которое запрещает оказывать влияние на показания допрашиваемого посредством принуждения, противозаконных угроз, гипнотического воздействия или любого иного способа, могущего повлиять на функционирование психики допрашиваемого. Кроме того, свидетельства и показания, данные в условиях, когда не была соблюдена свобода выражения мнения, или полученные с помощью вышеупомянутых запрещенных действий, не принимаются в качестве доказательств. Новый Уголовно-процессуальный кодекс существенно усилил гарантии, признаваемые за обвиняемыми. Он предусматривает, что всякий задержанный может немедленно снестись с адвокатом и вступить с ним в прямой контакт. Кодекс устанавливает максимальный срок задержания и воспроизводит положение о том, что распорядиться о предварительном заключении задержанного может только суд.

6. Кроме того, следует отметить, что проблематика прав человека является предметом широкой информационной деятельности и включается в программы все большего числа учебных заведений. В нескольких польских университетах созданы кафедры прав человека. Для судей, прокуроров и государственных служащих регулярно организуются семинары и учебные курсы. Наконец, следует подчеркнуть, что после того, как Польша присоединилась к Европейской конвенции о предупреждении пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в июле 1996 года Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания впервые посетил в Польше пенитенциарные заведения. И в ходе этого инспекционного посещения не было предпринято никаких экстренных демаршей.

7. Г-н ЭЛЬ-МАСРИ (Докладчик по Польше) благодарит польскую делегацию за представление своего доклада (CAT/C/44/Add.5), который был предоставлен с небольшим опозданием, и это в значительной мере обусловлено тем обстоятельством, что в рассматриваемый период в стране происходили интенсивные социальные и юридические трансформации, как об этом свидетельствует, в частности, обнародование новой Конституции и принятие в 1997 году нового Уголовного кодекса. Этот весьма просвещающий и насыщенный информацией доклад составлен в соответствии с разработанными Комитетом руководящими принципами в отношении формы и содержания докладов.

8. Что касается применения Польшей статьи 1 Конвенции, то следует припомнить, что, как указывала польская делегация в ходе рассмотрения ее второго периодического доклада (CAT/C/25/Add.9), новая Конституция закрепит принцип, согласно которому ратифицированные Польшей международные конвенции будут иметь тот же статус, что и Конституция, а соответственно, и определение пытки, содержащееся в Конвенции против пыток, станет составной частью польской правовой системы, так что никаких законодательственных акций на этот счет не потребуются. Этот довод не убедил Комитет, и он вновь рекомендовал включить во внутреннее польское право определение пытки, которое воспроизводило бы каждый элемент определения, содержащегося в Конвенции. Между тем, как указывается в пункте 23 рассматриваемого доклада, Конвенция имеет прямое применение, и ее нет необходимости включать в национальное законодательство; и даже уточняется, что, хотя прямое применение имеют не все международные договоры, большинство положений Конвенции против пыток, и в частности ее статья 1, такое применение имеют. Этот вопрос пространно дискутировался при рассмотрении второго периодического доклада, и Комитет пришел к выводу о необходимости определения пытки. Более обстоятельно на этот счет выскажется Содокладчик.

9. В связи со статьей 2 Конвенции г-н Эль-Масри хотел бы получить кое-какие разъяснения по поводу упоминаемых в пункте 30 доклада "преступлений против мира". Что касается применения пункта 2 статьи 2, то пункт 31 рассматриваемого доклада не позволяет понять, какого рода меры приняты к тому, чтобы в полном масштабе ввести в действие положения этого пункта, – меры законодательного или административного порядка либо же в меры в сферах информационно-просветительской деятельности.

10. В ходе рассмотрения второго периодического доклада уже поднимался вопрос об уголовной ответственности государственного служащего, исполнявшего приказы вышестоящего начальника. В этой связи Комитет выразил озабоченность по поводу того, что, как представляется, повиновение законной иерархической инстанции рассматривается в качестве обстоятельства, на которое можно сослаться, чтобы оправдать совершение акта пытки. Единственное позитивное достижение в этом отношении состоит, по-видимому, в том, что статья 344 нового Уголовного кодекса освобождает от ответственности государственного служащего, который отказался исполнить приказ по причине его преступного характера. Вместе с тем если он все же исполнит такой приказ, то он не будет рассматриваться в качестве исполнителя преступного деяния, за исключением тех случаев, когда он, исполняя приказ, совершит умышленно другое преступление. В этих условиях по-прежнему остаются в силе те выводы, к которым пришел Комитет по рассмотрении второго периодического доклада: ничто не может служить оправданием для акта пытки.

11. Что касается статьи 3 Конвенции, то, как констатирует г-н Эль-Масри, среди оснований для отказа в выдаче, перечисленных в пункте 41 рассматриваемого доклада, не упоминается риск подвергнуться применению пыток. Конечно, в пункте 42 уточняется, что этот перечень не является исчерпывающим и что высказываться на этот счет надлежит органам правосудия в свете действующих нормативных актов, включая Конвенцию против пыток. В пункте 46 доклада в качестве примера упоминается просьба Китая об экстрадиции, которая была отклонена на том основании, что такая выдача была бы сопряжена с нарушением статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а в пункте 47 сообщается о решении Верховного суда, определившего, что в сфере экстрадиции следует принимать во внимание нормы международного права, в частности нормы, запрещающие обращение к пыткам. Поскольку в пункте 49 доклада указано, что в период с 1994 по 1997 год Польша выдала 58 человек, было бы полезно узнать, какие государства добились такой экстрадиции; что же касается отклоненных просьб, то было бы интересно узнать, отклонялись ли, помимо просьбы Китая, просьбы других государств на том основании, что выдача была бы сопряжена с нарушением того или иного императивного международного договора. Кроме того, г-н Эль-Масри отмечает, что статья 53 Закона об иностранцах запрещает высылку иностранцев в страну, где они рискуют подвергнуться пыткам.

12. В связи с осуществлением статьи 4 Конвенции в пункте 51 доклада уточняется, что польское уголовное законодательство не содержит самостоятельной квалификации преступления, которая охватывала бы обращение к пыткам; между тем новый Уголовный кодекс 1997 года предусматривает санкции за акты насилия или угрозы насилием, а также за причинение физического или нравственного страдания. В пунктах 51 и 52 ссылки на Уголовный кодекс 1969 года строятся так, будто он все еще продолжает действовать, но все же отмечается, что в новом Уголовном кодексе упоминаются конкретные случаи, когда к насилию или угрозе прибегает государственное должностное лицо с целью добиться свидетельств или иных показаний, а также случаи, когда оно применяет насилие по отношению к лицу, законно лишенному свободы. Между тем в пункте 26 предыдущего периодического доклада (CAT/C/25/Add.9), сообщалось, что новый Уголовный кодекс будет содержать специальные положения о наказании любых лиц, прибегающих к насилию или угрозе с целью повлиять на свидетеля, переводчика или обвиняемого. Не могла бы ли польская делегация дать уточнения на тот счет, как же именно обстоит дело с положениями Уголовного кодекса в отношении применения статьи 4 Конвенции?

13. Как представляется, упоминаемые в пункте 61 доклада трагические события повлекли за собой надлежащие санкции; однако, с учетом тяжести таких деяний, г-н Эль-Масри хотел бы получить больше информации, с одной стороны, об убийстве,

совершенном в полицейском участке Ломази, а с другой – о летальном исходе, наступившем в результате "неудачного" применения полицейской дубинки в Слупске: выявили ли расследования, проведенные по этим инцидентам, определенные недостатки в работе полиции и какие выводы были сделаны из этого? Приняли ли власти превентивные меры, и имеет ли место какая-то процедура возмещения и компенсации?

14. Хотя Польша уже начала глубокую реформу своей судебной системы, предстоит еще решить один из самых трудных вопросов - вопрос о поведении полицейских и других правоохранительных органов. Некоторые сообщенные инциденты наводят на мысль о том, а что же происходило при коммунистическом режиме. Упомянув три недавних инцидента, приведших к гибели потерпевших, г-н Эль-Масри, признавая, что исполнители этих деяний были отданы под суд и подверглись осуждению, хотел бы узнать, а как обстоит дело с превентивными мерами. Комитет по правам человека выражал озабоченность в связи с отсутствием независимого надзорного механизма в связи с посягательствами на права человека со стороны полицейских, в связи с условиями, царящими в пенитенциарных заведениях, и в особенности в пенитенциарных центрах для несовершеннолетних, а также в связи с жалобами на акты насилия и другие правонарушения со стороны пенитенциарного персонала. Кроме того, Комитет по правам человека выражал беспокойство по поводу хронического характера дедовщины ("фаля"), жертвами которой становятся в армии новобранцы. Хотя в пункте 62 доклада указывается, что 60–70 процентов правонарушений, совершаемых военнослужащими срочной службы по статьям 319–321 Уголовного кодекса, связаны с дедовщиной, в докладе ничего не говорится о том, какие меры были приняты с целью положить конец этой практике, ущемляющей человеческое достоинство.

15. В связи со статьей 10 Конвенции в пункте 102 доклада отмечается, что программы профессиональной подготовки ориентированы на защиту индивидуальных прав и свобод, а также нацелены на приобретение полицейскими работниками надлежащих профессиональных навыков. В этой связи г-н Эль-Масри спрашивает, кому адресованы эти программы профессиональной подготовки: полицейским новобранцам или же всем сотрудникам? Было бы небезынтересно узнать, какая доля приходится на новых сотрудников правоохранительных органов и на сотрудников, которые работали там еще при коммунистическом режиме, с точки зрения внесудебных казней и случаев бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которые были выявлены в рассматриваемый период. В этом отношении Комитет по правам человека рекомендовал создать систему независимого контроля за тем, чтобы действия государственных служащих укладывались в рамки закона. В этой связи г-н Эль-Масри отмечает, что Европейский суд по правам человека приступил к рассмотрению дела лица, которое, после того как оно уклонилось от явки в качестве свидетеля, было схвачено полицией по

выходе с места работы, доставлено силой, подвергнуто избиениям и оскорблениям со стороны полицейских, а затем взято под арест, не будучи проинформировано о мотивах такой меры и не получив возможности связаться со своим адвокатом.

16. Г-н ЯКОВЛЕВ (Содокладчик) приветствует высокое качество доклада, представленного польским правительством, а также предпринятые в период, охватываемый докладом, демократические меры и глубокие юридические преобразования. Тем не менее он выражает сожаление в связи с тем, что в уголовное законодательство не было включено определение пытки, соответствующее определению по статье 1 Конвенции. Он напоминает, что в своих выводах и рекомендациях, опубликованных по рассмотрению второго периодического доклада Польши, Комитет выразил обеспокоенность в связи с некоторыми пробелами в действующих текстах в том, что касается пресечения пыток, и выразил сожаление в связи с тем, что внутреннее законодательство не содержит определения пыток, как того требуют статьи 1 и 4 Конвенции. Польское правительство считает достаточным широкое определение пыток в рамках Уголовного кодекса. В своем третьем периодическом докладе (пункт 51) оно подчеркивает, что Уголовный кодекс 1969 года карает любые действия, причиняющие тяжкий ущерб здоровью, в том числе психическому, либо как-нибудь иначе посягающие на ту или иную функцию организма, равно как и всякое иное дурное обращение и т. д. Оно добавляет (пункт 54), что столь широкий охват польского законодательства, карающего виновных в причинении потерпевшему сильной боли либо физического или нравственного страдания, представляет собой главный элемент отличия польского законодательства от положений Конвенции, ибо Конвенция расценивает в качестве пыток только действия государственных должностных лиц. Эта точка зрения правительства носит весьма спорный характер. Возникает ведь вопрос: что эффективнее с точки зрения пресечения пыток – общее определение или конкретное определение? И поскольку определение пыток, приводимое в статье 1 Конвенции, лучше всего подходит для предотвращения и пресечения этого преступления, его нужно непременно включить в национальное законодательство. Это определение охватывает не всякий акт насилия или противоправного воздействия на то или иное лицо, где бы оно ни находилось, а акт, совершаемый государственным служащим в рамках процедуры, являющейся составной частью судебной системы. Как известно каждому, изыскание доказательств является ключевым элементом судопроизводства. И если оно опорочено обращением к пытке, то оказывается поколебленной вся судебная система в целом. И вот поэтому-то статья 1 Конвенции прямо и говорит о совершении актов пытки в целях получения сведений или признаний от какого-либо лица. Кроме того, пытка по смыслу статьи 1 Конвенции подразумевает также действие, совершаемое по любой причине, основанной на дискриминации любого характера. И это важное уточнение, поскольку акты пыток зачастую проистекают из расовых предрассудков, и никакое государство не застраховано от

межэтнических конфликтов. В общих же положениях польского Уголовного кодекса отражены не все характерные элементы акта пытки, изложенные в статье 1 Конвенции.

17. Вместе с тем г-н Яковлев с удовлетворением отмечает откровенность польского правительства, которое не боится излагать конкретные случаи дурного обращения. В самом деле, чтобы искоренить ту или иную пагубную практику, надо признать ее наличие. А между тем общий характер положений Уголовного кодекса затрудняет квалификацию совершаемых правонарушений, в частности на предмет соответствующей статистики. Чтобы принимать надлежащие меры для решения проблем, правительство должно располагать точными и надежными статистическими данными.

18. В целом носит удовлетворительный характер польское законодательство относительно положения заключенных. Было бы, однако, небезынтересно знать, может ли арестованный, подвергшийся дурному обращению со стороны государственного служащего, обжаловать решение судьи или прокурора об отказе в возбуждении преследования против исполнителя дурного обращения. Кроме того, может ли арестованный общаться с адвокатом и ходатайствовать об освидетельствовании врачом по своему выбору?

19. Г-н МАВРОММАТИС благодарит польское правительство за представление доклада и подчеркивает превосходность доклада, равно как и базового документа (HRI/CORE/1/Add.25/Rev.1). Вместе с тем остается целый ряд вопросов. Прежде всего он хотел бы получить уточнения относительно состава Национального судебного совета и относительно того, как гарантируется его независимость. Далее, не очень ясно, какое именно место занимает Конвенция в польской юридической системе, и хотелось бы, в частности, знать, имеет ли она тот же статус, что и Европейская конвенция о предотвращении пыток. С учетом прерогативы Президента ратифицировать и денонсировать договоры важно также знать, могут ли быть денонсированы эти две конвенции.

20. Как и докладчики, г-н Мавромматис подчеркивает необходимость включить в законодательство определение пытки. О неотложности этого свидетельствует случай, упоминаемый в пункте 61 с). Может, конечно, статьяс, что, как отмечается в пункте 60 доклада, польская юридическая система, обеспечивает гарантию уголовного преследования и наказания преступный деяний, предусматриваемых Конвенцией, но, с учетом тяжести преступления пыток, этого все же недостаточно.

21. Касаясь вопроса о выдаче, г-н Мавромматис выражает разочарование в связи с тем, что по делу, упомянутому в пункте 46 доклада, окружной суд сослался лишь на

Европейскую конвенцию о предупреждении пыток, тогда как лишь Конвенция против пыток, предусматривающая учреждение Комитета против пыток, содержит положения о запрещении выдачи, выдворения и высылки лица в страну, где оно рискует подвергнуться применению пыток.

22. Что касается неприемлемости признаний, полученных с применением силы, то г-н Мавромматис присоединяется к уже высказывавшемуся мнению и выступает против дачи индульгенции подчиненному, повиновавшемуся приказам вышестоящего начальника, если такой подчиненный знал, что его действия противозаконны. Никто ведь не может ссылаться на незнание закона: стало быть, зачем такое уточнение применительно к исполнителю акта пытки? Доказательства, добытые путем принуждения, равно как и косвенные доказательства, должны быть изъяты из всякого уголовного разбирательства.

23. И наконец, его удивляет тот факт, что до сих пор не было зафиксировано никаких жалоб на применение пыток. Не существует ведь стран, где бы не происходило случаев пыток или дурного обращения, и г-н Мавромматис задается вопросом, не связано ли отсутствие жалоб в Польше с неведением, с отсутствием определения пыток или же с тяжеловесностью и запутанностью процедуры. В интересах правительства было бы докопаться до тех причин, по которым до сих пор не было подано ни одной жалобы, с тем чтобы принять соответствующие меры.

24. Г-жа ГАЕР также поздравляет польское правительство с примечательным прогрессом, достигнутым в рамках правовой системы, и с реформами, предпринятыми в период, охватываемый докладом. Как и другие члены Комитета, она подчеркивает необходимость включить во внутреннее законодательство определение преступления пытки. Отмечая в пункте 46 доклада, что, как определил Верховный суд, при вынесении заключения относительно приемлемости просьбы о выдаче следует принимать в расчет международное право, она хотела бы знать, принимались ли потом другие аналогичные решения. Г-жа Гаер выражает беспокойство в связи с практикой "фаля" и хотела бы знать, какие меры были приняты к тому, чтобы прекратить эту практику и обеспечить компенсацию потерпевшим.

25. В пункте 64 доклада содержатся очень интересные данные о преследованиях, возбужденных против прежних сотрудников бывшего министерства общественной безопасности, а в пункте 66 говорится, что в период 1994–1998 годов за пытки заключенных были осуждены 19 бывших должностных лиц; г-жа Гаер хотела бы знать, принимаются ли во внимание также зверства, совершенные до ввода в действие Конвенции против пыток и до создания Республики Польша.

26. Высказываясь в ином ракурсе, г-жа Гаер говорит, что она была поражена, прочитав в докладе Европейского комитета по предупреждению пыток за 1996 год, что в полицейских участках были обнаружены электрические провода, металлические прутья, бейсбольные биты и т. д. и что выдвинутые причины с целью объяснить присутствие такого рода предметов, выглядели отнюдь не убедительно. Позднее эти предметы были запрещены в полицейских участках, и ей хотелось бы знать, распространен ли этот запрет и на другие места.

27. Наконец, г-жа Гаер хотела бы получить информацию об условиях заключения женщин. Она спрашивает, осуществляется ли в тюрьмах контроль в том, что касается сексуального насилия, как разбираются жалобы на этот счет, осуществляют ли надзор над женщинами исключительно надзирательницы, какие меры были приняты с целью предотвратить сексуальные насилия, применялись ли уже санкции по случаям сексуального насилия и, наконец, предусмотрена ли соответствующая разъяснительная работа и профессиональная подготовка для пенитенциарного персонала.

28. Г-н ГАШПАР ЭНРИКИШ просит разъяснений в связи с пунктами 16–18 доклада, в частности в связи со статусом Прокуратуры, чтобы уяснить, в какой степени она пользуется автономией и независимостью. Имеются ли иерархические отношения извне этого института, например через министерство юстиции? Необходимы также уточнения о гарантиях независимости или автономии при осуществлении Прокуратурой своих функций, то есть об условиях назначения, смещения и осуществления дисциплинарных полномочий. Наконец, он просит разъяснений относительно упоминаемой в пункте 138 с) доклада возможности "осуждения без судебного разбирательства".

29. Г-н РАСМУССЕН говорит, что он впечатлен различными программами подготовки полицейских работников в сфере защиты прав и свобод личности, а также решимостью применять силу только в случае крайней необходимости. Он хотел бы, однако, получить заверение на тот счет, что "защита прав человека" действительно включает запрещение пыток, ибо это выражение носит весьма общий характер.

30. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, взяв слово в качестве члена Комитета, с удовлетворением отмечает, что, с одной стороны, Польша не фигурирует в докладе Специального докладчика по вопросу о пытках (E/CN.4/2000/9), а с другой – это государство-участник признало компетенцию Комитета в силу статьи 22 Конвенции. Он присоединяется к общему мнению относительно статьи 1 Конвенции и необходимости включения в польское законодательство определения пыток в тех же формулировках, что и в Конвенции. Он отмечает, что новое польское законодательство исключает срок давности

по определенным преступлениям. Он задается вопросом, сопряжены ли со сроком давности пытки, практикуемые не систематическим и не широким образом – и, стало быть, не образующие состава преступления против человечности, – и если да, то с каким.

31. Что касается статьи 5 Конвенции, то пункт 71 доклада не позволяет уяснить, считает ли государство-участник универсальной свою уголовную юрисдикцию в отношении пыток. Комитет против пыток всегда считал, что государства не только вправе, но и обязаны осуществлять свою компетенцию применительно к преступлению пыток, независимо от места его совершения. Было бы полезно точно выяснить позицию польского государства на этот счет. Наконец, Председатель с большим удовлетворением отмечает, что в 1999 году Польша внесла свою лепту в Фонд добровольных взносов для жертв пыток, и он настоятельно призывает ее поступать так и впредь.

32. Делегация Польши удаляется.

Первая (открытая) часть заседания завершается в 11 час. 15 мин.